

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2017

БОРИС
СОКОЛОВ

МАГА ХАРИ

АВАНТЮРИСТКА
ИЛИ ШПИОНКА?

Главная кинопремьера года

Борис Соколов

**Мата Хари. Авантюристка
или шпионка?**

«Алисторус»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соколов Б. В.

Мата Хари. Авантюристка или шпионка? / Б. В. Соколов —
«Алисторус», 2016 — (Главная кинопремьера года)

ISBN 978-5-906880-82-6

К выходу самого высокобюджетного телесериала года – «Мата Хари». Танцовщица и шпионка Мата Хари и через сто лет после своей смерти продолжает привлекать внимание публики по всему миру. Кем же она была? Несомненно, выдающейся актрисой и не менее выдающейся авантюристкой. А вот насчет того, была ли Мата Хари разведчицей, существуют большие сомнения. Хотя порой ее и называют «самой известной шпионкой всех времен и народов». Известный историк Борис Соколов разобрался и рассказал в этой книге читателям подлинную историю Маты Хари.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906880-82-6

© Соколов Б. В., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
Юность	8
Путь на сцену	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Соколов

Мата Хари. Авантюристка или шпионка?

© Соколов Б.В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Танцовщица и шпионка Мата Хари и через сто лет после своей смерти продолжает привлекать внимание публики по всему миру. Кем же она была? Несомненно, выдающейся актрисой и не менее выдающейся куртизанкой. А вот насчет того, была ли Мата Хари выдающейся разведчицей, существуют большие сомнения. Хотя порой ее и называют «самой известной шпионкой всех времен и народов», настоящей «королевой шпионажа».

Досье французской разведки на Мату Хари до сих пор остается секретным. С ним через несколько лет после Первой мировой войны смогли частично ознакомиться журналисты Ален Прель и Сэм Ваагенаар. Подробности обвинительного заключения по делу Маты Хари никогда не публиковались. Ее процесс иногда называют самым сенсационным шпионским процессом Первой мировой войны. По словам одного из ее биографов, американского журналиста, голландца по происхождению Сэма Ваагенаара, «в жизни Маты Хари было две вещи, создавшие ей славу, – ее танец и ее предполагаемая шпионская деятельность. Вместе и то и другое длилось двенадцать лет и семь месяцев». Ваагенаар, наиболее добросовестный на сегодня биограф Маты Хари, проживший довольно бурную жизнь, в которой была и работа в качестве корреспондента на Нюрнбергском процессе в 1946 году, и путешествия едва ли не по всему миру, скончался в 1997 году в возрасте 89 лет. А книгу о Мате Хари он выпустил в 1965 году. До этого взгляд на нее во всем мире был преобладающе негативный, как на презренную шпионку и развратницу.

Утверждения, будто вследствие ее шпионской работы были потоплены семнадцать союзных транспортов с войсками и погибло не менее дивизии союзных войск, – это не более чем легенды, призванные оправдать суровый приговор известной танцовщице. Точно так же и единственный французский агент в Бельгии, которого якобы выдала Мата Хари, на самом деле, как мы увидим по ходу книги, никак не мог быть ее жертвой. Да и сам начальник французской контрразведки капитан Жорж Ладу, сделавший все, чтобы погубить Мату Хари, впоследствии признавал, что свое шпионское ремесло «шпионка века» знала из рук вон плохо.

Дело Маты Хари выросло из тех проблем, с которыми разведки и контрразведки всех стран столкнулись в годы Первой мировой войны. Эта война была беспрецедентной как по количеству вовлеченного в нее количества войск, вооружений и боевой техники, так и по продолжительности – более четырех лет. В течение полувека, предшествовавшего 1914 году, в Европе так долго не воевали. Новый характер боевых действий, когда всю Европу пересекли фронты и лишь считанные государства остались нейтральными, предъявил новые требования к разведке. Война приняла позиционный характер, и на первый план вышла тактическая разведка в прифронтовой зоне. Она осуществлялась как разведывательными группами, так и новейшими средствами борьбы: самолетами, дирижаблями, аэростатами, а также посредством перехвата неприятельских радиogramм и телеграмм. Агентурная разведка, прежде игравшая основную роль, отошла на второй план. Однако для широкой публики главным источником получения секретных сведений оставались неприятельские агенты-шпионы, которые будто бы проникли во все штабы, министерства, газеты, концерны и т. п. На волне патриотического воодушевления нагнеталась шпиономания. Для ее удовлетворения требовались пойманные вражеские шпионы. А вот с этим как раз была проблема. Радиопередатчики, особенно способные передавать сигнал на большие расстояния, за линию фронта, в то время были большой редкостью. Поэтому не было возможности оснащать ими агентуру, оставшуюся во враждебных государствах. В связи с разрывом дипломатических отношений отпал также канал связи через посольства. Оставался только канал связи через нейтральные государства. Однако все воюющие страны резко ужесточили контроль на границах с нейтралами, подвергая тщательной проверке как всех своих граждан, так и иностранцев. Кроме того, перлюстрировалась вся зару-

бежная корреспонденция. Поэтому агентам лишь эпизодически удавалось передать информацию по назначению, а в таком виде, не обеспечивая сплошного потока, она во многом теряла смысл. Ведь одно сообщение, даже из очень важного штаба, сохраняло свою ценность лишь очень ограниченное время. А в долгосрочной перспективе, не подкрепленное другими сообщениями, оно легко могло дезориентировать получателя. Вследствие этих вполне объективных причин активность агентурной разведки в годы Первой мировой войны резко сократилась. Но, соответственно, резко сократилась и возможность поймать с поличным неприятельских шпионов. Однако, если шпиона нельзя поймать, его можно выдумать. По такому пути пошли многие контрразведчики. Им ведь необходимо было доказать и начальству, и общественности, что они здесь, в тылу, не даром едят свой хлеб. И одной из жертв подобной тактики контрразведки и стала Мата Хари.

В этой книге мы расскажем о ее судьбе и попробуем ответить на вопрос, чьей шпионкой она была (если была) и была ли виновна в тех преступлениях, за которые ее казнили. Мы также расскажем о некоторых посвященных Мате Хари фильмах (всего их насчитывается более трех десятков) и в особенности о новейшем отечественном телесериале «Мата Хари».

Юность

Настоящее имя Маты Хари – Маргарета Гертруда Зелле. Она родилась в Леувардене, в Нидерландах, 7 августа 1876 года и была вторым из четырех детей Адама Зелле (1840–1910) и Антье ван дер Мелен (1842–1891). Ее отец в то время был преуспевающим бизнесменом. Военный комендант Парижа Эмиль Массар утверждал, будто Мата Хари «была по происхождению еврейкой, перешедшей в протестантизм». Однако никаких документальных подтверждений этого нет, а фамилии Зелле и Мелен не являются специфически еврейскими, а вполне голландскими. Скорее всего, версия Массара – всего лишь дань чрезвычайно распространенному во Франции эпохи Первой мировой войны антисемитизму. Отец Маргареты владел шляпным магазином на Калдерсе, одной из главных улиц Леувардена, и имел акции нефтяных компаний. 1 января 1883 года, когда Маргарете было шесть лет, он смог купить себе дом на улице Грооте Керкстраат, 28, – старый патрицианский дом, один из самых красивых в городе. Младшим братьям Маргареты – близнецам Арии Анне и Корнелиусу Кунрааду – было тогда около года. Был еще третий брат – Йоханнес Хендерикус. Когда Маргарете исполнилось шесть лет, отец подарил ей дорогую четырехместную тележку, запряженную двумя роскошно украшенными козами. Эта игрушка ей очень понравилась. Любовь к роскоши она сохранила на всю жизнь. До тринадцати лет Марго посещала элитную частную школу мисс Бейс на площади Хофплейн, напротив ратуши. Там она хорошо освоила французский. Затем Маргарета продолжила изучение языков в средней школе для девочек на улице Грооте Хаутстраат, где овладела немецким и английским. В школу Маргарета порой ходила в чересчур смелых платьях. Однажды летом она пришла в платье в красно-желтую полоску. Как вспоминала ее подруга Ибелтье Керкхоф-Хоогслаг, «тогда носить такие платья в школу было для девочек просто невозможно».

Но в 1889 году отец почти обанкротился и развелся с женой, которая вскоре умерла. Адам покинул Леуварден и отправился в Гаагу. Жена с детьми переселились в гораздо более скромную квартиру на набережной Виллемскаде. Не добившись успеха в Гааге, Адам 31 мая 1890 года вернулся к семье. А 4 сентября 1890 года супруги официально развелись. 10 мая 1891 года Антье умерла. Еще в марте этого года Адам переехал в Амстердам. Маргарета оставалась в Леувардене до ноября, а затем Адам отправил дочь к ее крестному Фиссеру в Снек, маленький городок неподалеку от Леувардена. А Йоханнес Хендерикус переехал в Франекер, где проживала семья матери. Потом Маргарета училась в Лейдене, собираясь стать воспитательницей в детском саду. Ибелтье Керкхоф-Хоогслаг так впоследствии прокомментировала эту идею: «Трудно себе представить более неправильное решение. Для этой профессии Маргарета никак не подходила. Такая профессия хороша для девочек „материнского типа“. Маргарета же была независимой личностью». Однако в Лейдене в нее влюбился учитель той же школы Вюбрандус Хаанстра. Он стал слишком назойливо за ней ухаживать, и крестный поспешил забрать ее из училища от греха подальше. Но уже через несколько месяцев Маргарета сбежала от крестного к своему дяде Таконису в Гаагу. По другой версии, родные сами отослали Маргарету к дяде в Гаагу, от греха подальше. В дальнейшем Маргарета распускала разнообразные слухи о своем происхождении – о том, что она дочь яванского принца или что ее мать – баронесса.

Уже 11 июля 1895 года, восемнадцати лет от роду, в Амстердаме Маргарета вышла замуж по объявлению за тридцативосьмилетнего голландского капитана Рудольфа Джона Маклеода (1856–1928). Объявление гласило: «Офицер из Голландской Восточной Индии, находящийся сейчас в отпуске дома, хочет познакомиться с милой девушкой с целью последующего супружества». Третья супруга Маклеода утверждала, что письма приходили в основном от девушек с большим приданым (другое дело, насколько информация в письмах соответствовала действительности). Третья жена впоследствии сетовала: «Ему следовало бы жениться на деньгах. Но вместо этого он взял не ту...» Немаловажную роль сыграло то, что Маргарета приложила

к письму свою фотографию. Между ними завязалась переписка. Когда пришла пора назначать свидание влюбленным, жившим в разных городах (Рудольф – в Амстердаме, Маргарета – в Гааге), друг Рудольфа Де Балбиан Ферстер предложил в качестве удобного места встречи амстердамский Государственный музей. Но Маклеода сразил приступ ревматизма, и свидание пришлось отложить.

Отцом Рудольфа был отставной капитан голландской пехоты Джон ван Бринен-Маклеод. Он женился на баронессе Дине Луизе Свеертс де Ландас. 14 августа 1894 года Рудольф вернулся в Голландию в двухлетний отпуск по болезни. Рудольф был ростом 180 см, рано облысевшим, с круглым лицом и длинными закрученными усами. Его третья жена Гритье Мейерс-Маклеод, сменившая Маргарету 3 октября 1917 года, всего за двенадцать дней до ее казни, характеризовала его как «жесткого несентиментального человека, всегда называвшего вещи своими именами, неотесанного, но честного солдата с золотым сердцем». За семнадцать лет службы в Голландской Индии он заработал сахарный диабет и ревматизм. Маклеод происходил из старинного шотландского рода. В начале XVIII века один из его предков перебрался в Голландию, где, как и большинство шотландцев того времени, искавших заработка на континенте, поступил на военную службу.

Маргарета и Рудольф впервые встретились в музее в Амстердаме 7 мая 1895 года, а уже через шесть дней обручились. Переписка продолжалась. Вот одно из писем Маргареты Рудольфу Джону: «Мой дорогой Джонни, – писала она однажды в среду вечером в 1895 году. – О, дорогой, мне так жаль тебя, и я так печальна, что наши планы снова сорвались. Все плохое происходит одновременно, не кажется ли тебе? Не огорчайся, дорогой. Надеюсь, что ты забудешь все твои болезни, как только я приеду навестить тебя в воскресенье.

Неужели тебе было так больно, что ты даже не мог писать сам? Я думаю, что да, иначе ты бы это сделал. Ты думаешь, что в воскресенье уже сможешь ходить? Я очень на это надеюсь, мое сокровище, но только не перенапрягайся. Да, сначала мне было очень грустно, но потом я посмотрела на все это с другой, положительной стороны, потому что если я тут и чувствую себя плохо, то чем это тебе поможет?

Луиза писала мне: „Я надеюсь, что вы оба очень заинтересованы, чтобы через пару недель в ратуше все засияло ярким солнечным светом“. Ну, я тоже на это надеюсь. А ты, Джон? Будь храбрым и послушным, и это поможет тебе. Твоя маленькая жена всегда придерживается этого. Если я этого не делала бы, моя радость жизни давно бы меня покинула. Ты меня ждешь в воскресенье?

Если только это будет возможно, пиши мне и дай знать, как у тебя дела. Подари мне твой любимый поцелуй и представь себе, что я с тобой. Именно об этом я все время мечтаю.

Вот так, Джонни, теперь я с тобой прощаюсь с самым сердечным поцелуем от твоей очень любящей тебя жены – Греты».

11 июля 1895 года, через три месяца после их первой встречи, Маргарета Гертруда Зелле и Рудольф Маклеод стали мужем и женой. Рудольфу для вступления в брак требовалось официальное благословение дяди, старого отставного генерала. К счастью, дядюшка Норман выбор племянника одобрил: «Хоть и молода, но выглядит хорошо. Чертовски хорошо!».

Маргарета уверяла Рудольфа, что она сирота. Но перед свадьбой пришлось рассказать правду о том, что у нее есть отец. Ведь как несовершеннолетняя она не могла выходить замуж без его согласия. Адам в это время проживал со своей второй женой в одном из бедных районов Амстердама, на улице Ланге Лейдсхедварстраат, 148. Он потребовал, чтобы будущие новобрачные приехали к нему в большой карете, а не просто в экипаже. Карета с прекрасными лошадьми была сенсацией для маленькой улицы. Адам Зелле дал свое родительское благословение. Его тут же пригласили на следующий день в ратушу, где его присутствие было необходимо по закону. Сестра Фрида тщетно пыталась отговорить Рудольфа Джона от этого брака. Свадебный ужин устроили в их любимом «Кафе Америкэн». А в свадебное путешествие моло-

дожены отправились в Висбаден. Там Рудольфу не понравилось, что молодые люди уделяли повышенное внимание его юной супруге.

Он воспользовался гостеприимством сестры и жил с женой на набережной Лейдсхекаде, 79. Однако напряженные отношения Фриды и Маргареты вынудили супругов переехать. Не все было безоблачно в этом браке. Как вспоминала одна знакомая Рудольфа, Маргарета казалась «молодой женщиной с лучшими намерениями, очень страдавшей от наплевательского отношения и грубых манер ее мужа, проявившихся сразу после возвращения из свадебного путешествия». Позднее, уже в браке с Гритье Мейер, Рудольф значительно изменился в лучшую сторону, но перед Маргаретой предстал грубым неотесанным колониальным офицером. К тому же он был изрядный ходок, да и Маргарета в дальнейшем не отличалась супружеской верностью.

В марте и в сентябре 1896 года отпуск Маклеода продлевали на шесть месяцев по состоянию здоровья и из-за беременности его жены. 30 января 1897 года Маргарета родила сына. Ему дали имя Норман Джон, в честь дедушки по отцовской линии Джона ван Дринена Маклеода и знаменитого дядюшки отставного генерала Нормана.

Наконец, 1 мая 1897 года семейство на корабле «Принцесса Амалия» отплыло в Голландскую Восточную Индию. Они перебрались на Яву, но брак не был счастливым. Магия тропиков возбуждала юную и прекрасную Маргарету. Маклеоды сначала жили в Амбарае, деревеньке к югу от Семаранга, в центре Явы. Потом Джона перевели в Тумпунг, вблизи Маланга, на восточном побережье. Маланг был городом, где проживало много европейцев, и здесь можно было поразвлечься. Около года семья прожила в Тумпунге. 2 мая 1898 года у них родилась девочка, которую назвали Жанна-Луиза, а в семье звали просто Нон. 21 декабря 1898 года Рудольф получил приказ о переводе в Медан на южном побережье Суматры, на берегу Малаккского пролива. Маклеод должен был немедленно прибыть к новому месту службы, а семья последовала за ним некоторое время спустя. В результате Маргарета смогла немного передохнуть от ежедневных споров.

Однажды утром Рудольф прискакал к дому командира гарнизона ван Рееде и, не слезая с коня, сообщил, что он должен немедленно выехать к новому месту службы. И поставил полковника перед фактом: «Моя жена и дети через пару часов переедут к вам, чтобы немного пожить у вас, пока я подготовлю все для их переезда ко мне в Медан. Вы же не будете против, не так ли?». Маргарета и дети временно устроились в доме семьи ван Рееде. Рудольф Джон долго не высылал денег, но письма жене писал регулярно. Так, 28 марта он подробно описал город Медан. Маргарета, как все местные голландки, оделась в саронг и кабию – индонезийские юбку и блузку. Мадам Рееде она запомнилась как интеллигентная и милая женщина. «Возможно, она была чуть-чуть фривольной, – вспоминала она, – но для такой молодой женщины в этом не было ничего необычного».

Джон постоянно жаловался на финансовые трудности. В письме жене от 24 апреля 1899 года он сетовал: «Что еще меня волнует, так это то, что у нас никогда не было удачи в денежных делах. Как часто эта постоянная нехватка средств заставляла нас совершать неприятные поступки». И тут же проявляет признаки ревности, возможно, небезосновательной: «Кто такой этот флотский лейтенант, о котором ты пишешь, что он фотографировал наших детей? И как получилось так, что это произошло в Тумпунге? Ты, Грит, никогда не объясняешь мне таких вещей. Ты же можешь подумать, что я тоже задумуюсь, прочитав что-то подобное. И так – кто он такой? И как он попал в Тумпунг? Это странно – ты так легко перепрыгнула от матросского костюмчика Яна Пика и нашей нежной Флейт (так супруги в шутку называли своих детей. – Б. С.) к этому лейтенанту, а потом не пишешь о нем ни одного слова! Пик очень любит свою младшую сестру? Это постоянное желание поцелуев он, несомненно, перенял от тебя!.. Да, Грит, пожалуйста, постарайся понять: когда я свирепствую и ругаюсь, это происходит прежде всего потому, что я забочусь о детях. Потому не забывай – наши характеры совершенно разные!».

Что ж, по субботам на клубных вечерах Маргарета действительно знакоилась с голландскими офицерами, многие из которых были молоды и привлекательны. Когда Джон собрал достаточно денег для переезда семьи, 14 мая 1899 года он дал жене последние инструкции: «Я очень рад твоему письму от 25 апреля, где ты пишешь о болезни детей. Здесь для тебя, Грит, будет очень много работы, потому что в этих домах просто опасно жить, если не соблюдать абсолютной чистоты. Если не мыть постоянно пол, не сдвигать горшки с цветами и не смолить крышу, тут заведется множество насекомых. Вчерашней ночью я увидел скорпиона, самого большого из когда-либо виденных. Хотя его укус редко бывает смертельным, но он вызывает жар и особенно опасен для детей. Потому ты лично будешь проверять все помещения, чистить кровати детей и проверять ящики с цветами. Я рад, что прочел в твоём письме, насколько серьезно ты воспринимаешь свою ответственность за детей и как сильно ты их любишь».

В Медане Маклеод был произведен в майоры и возглавил гарнизон. В этом качестве ему полагалось давать официальные приемы. Эти приемы Маргарета очень любила, так как чувствовала себя объектом всеобщего внимания. Рудольфу приходилось заказывать ей платья из Амстердама. Маргарета давала все больше поводов для ревности. А тут еще в семье случилась трагедия.

27 июня 1899 года в возрасте двух с половиной лет умер их сын Норман. Дети были отравлены. Лишь благодаря усилиям доктора-голландца девочка, Нон, выжила. Но в результате из-за последствий Жанна-Луиза прожила немного – всего двадцать один год, хотя и пережила мать, поскольку умерла в 1919 году. В смерти Нормана обвинили местную прислугу, которая будто бы отравила малыша в отместку за то, что Рудольф наказал ее мужа за какую-то провинность. Впрочем, тут существуют две версии. По одной из них, Маклеод ударил солдата-аборигена, который был то ли мужем, то ли любовником няньки, ухаживающей за детьми. Та из мести отравила детей четы Маклеодов. Служанка отравила пищу детей. Мальчик умер в мучениях, но девочка выжила, хотя отравление и подорвало ее здоровье. Согласно же другой версии, которую исследователи считают гораздо менее вероятной, Рудольф Джон был любовником этой няньки, а детей отравил из ревности ее любовник-индонезиец.

Некоторое время казалось, что смерть мальчика вернет любовь супругов друг к другу. Но и на этот раз семейная идиллия продлилась недолго. Рудольф очень любил сына, чья смерть стала для него тяжелейшим потрясением. Рудольф винил в смерти сына свою жену. Отношения между супругами стали хуже некуда. К тому времени Маклеода перевели назад на Яву. В том, что его убрали из Медана, майор обвинял своего начальника, генерала Диеса. Маклеод полагал, что генерал воспрепятствовал его производству в подполковники.

Маклеоды переехали в Банджу Биру. Маргарета теперь настаивала на разводе. Но в колонии он был сопряжен с большими трудностями. В середине марта 1900 года Маргарета заболела тифом. Надо сказать, что и сам Рудольф был отнюдь не подарок. Будучи алкоголиком, он к тому же иной раз поколачивал молодую супругу и имел любовниц. Впрочем, Маргарета тоже не отличалась супружеской верностью и одно время жила с другим голландским офицером, но потом вернулась к мужу. В письме к подруге она жаловалась: «Мой муж отказывает мне в каких бы то ни было нарядах, потому что боится, что я буду слишком красива. Это невыносимо! Тем временем за мной волочатся влюбленные молодые лейтенанты. Мне очень трудно вести себя так, чтобы у мужа не возникало повода для упреков».

В конце мая 1900 года, когда Маргарета лежала в тифозном бреде, Джон написал своему двоюродному брату в Гаагу письмо на 24 страницах. Подробно описав политическую и военную ситуацию в Восточной Индии, он рассказал и о семейной жизни: «Два с половиной месяца назад Грит заболела тифом. Ее положение становилось все хуже. Забота о маленькой девочке легла на меня. Наше положение было полным убожеством. Десять дней назад Грит наконец-то смогла встать на ноги. Теперь для восстановления здоровья она уехала на кофейную плантацию Крувук, близ Улинги. Достаточно сказать тебе, что нам в день нужно пять бутылок молока,

а каждая стоит 30 центов, и ты поймешь, какие тяжелые последствия для наших финансов имела ее болезнь... А потом еще путешествие в Улинги. Малышку я оставил здесь, у себя. Она чудный ребенок, но она постоянно напоминает мне о моем мертвом любимом сыне.

Дорогой кузен, потеря этого прекрасного маленького мальчика сломала что-то во мне, что навсегда останется сломанным. Он любил военную музыку, особенно „Марш Монте-Карло“. И теперь каждый раз, когда его играют, я чувствую боль в моей груди, а мои глаза горят».

Будучи произведенным в майоры еще в 1897 году и потеряв надежду на производство в следующий чин, Маклеод решил выйти в отставку, что и произошло 2 октября 1900 года. За двадцать восемь лет беспорочной службы ему полагалась пенсия в 2800 гульденов. Супруги переехали в Синданглаю, городок между Бейтензоргом (нынешним Богором) и Бандунгом. Там был здоровый горный климат, а цены были низкие. Жить здесь было дешевле, чем в Голландии, но Маргарета стремилась в Амстердам. Ее не привлекала перспектива прозябать в богом забытой индонезийской деревне.

Отношения между супругами дошли до точки кипения. Ни дня не проходило без ссор. Доктор Рулфсема, который с марта 1900-го по июнь 1902 года был военным врачом в той местности, где жили Маклеоды, описал одну из ссор, которую наблюдал в их доме. Маргарета вновь завела речь об Амстердаме и вообще о Европе. Ей очень хотелось в Париж. Маклеод разнервничался и рыкнул на жену: «Черт побери! Если тебе так хочется уехать в Париж, то почему же ты ничего для этого не делаешь, не уедешь и не оставишь меня одного?». Позднее Маргарета так объясняла, почему выбрала именно Париж: «Я думаю, что все много пережившие женщины направляются в Париж».

В марте 1902 года майор наконец поддался уговорам жены, и семья вернулась в Голландию. Они путешествовали на грузовом пароходе, так как Джону приходилось все сильнее экономить. Он снова переехал к своей сестре, тетушке Лавис, которую Маргарета не выносила. Поэтому Маклеодам вскоре пришлось снять себе жилье в Амстердаме, на улице ван Бреестраат, 198, в достаточно зажиточном районе. Но однажды вечером Джон внезапно переехал к другу в Фельп близ Арнема, захватив с собой дочь. Маргарета тотчас отправилась следом. Она поселилась в доме одного из многочисленных кузенов Джона. 27 августа 1902 года Маргарета подала официальное прошение о временном расторжении брака, когда супруги живут раздельно, но юридически остаются мужем и женой. Через три дня суд города Амстердам удовлетворил ее просьбу, несколько не ограничив ее в правах. Дочь осталась с матерью, и Маклеод должен был выплачивать ей сто гульденов в месяц в качестве алиментов. Но когда 10 сентября настал срок первого платежа, Рудольф вдруг заявил, что денег у него нет. И так ничего и не заплатил бывшей жене и дочери.

Маргарета недолго оставалась в Амстердаме, а потом переехала к своему дяде Таконису в Гаагу. Но в Голландии ей трудно было найти работу. А дочку пришлось на время отправить к отцу. И тот уже никогда не вернул ее матери. Но надо признать, что Рудольф Джон был заботливым отцом и предпочитал сам воспитывать дочь, а не платить алименты бывшей жене. Он даже поместил в газете специальное объявление, что не будет платить по долгам жены. И Маргарета решила податься в Париж, тогдашнюю культурную столицу Европы, а то и всего мира, и там попытать счастья.

Путь на сцену

В Париж наша героиня приехала без единого су и попыталась зарабатывать на жизнь натурщицей. Несколько лет спустя, уже будучи известной актрисой, на вопрос корреспондента, почему она оказалась именно в Париже, она ответила: «Не знаю, но я думаю, что всех жен, сбежавших от мужей, тянет в Париж». Натурщиц в Париже был переизбыток, и платили им мало. К тому же Маргарета потерпела неудачу из-за слишком маленькой груди. Разочарованная, она вернулась в Голландию. Неделю она прожила у дяди своего мужа в Нимвегене, но Рудольф Джон тут же выразил возмущение по этому поводу. И дядя попросил Маргарету убраться подобру-поздорову. И тогда она решила вновь отправиться в Париж. Как она сама говорила репортерам год спустя, «у меня в кошельке было полфранка, и я сразу пошла в Гранд-Отель». Еще она утверждала, что «не было никого, кто бы мне помог». Выбор Маргареты пал на театр «Фоли Бержер», где всегда требовались красивые танцовщицы. Она еще никогда в жизни не танцевала на сцене, но решила попробовать. На Яве она изучала индонезийские традиции и танцевала в местной танцевальной группе. В 1897 году в одном из писем она впервые упомянула свой артистический псевдоним – Мата Хари, который по-малайски означает «солнце» (дословно – «глаз дня»).

Тут на ее пути оказался Молье, владелец знаменитой школы верховой езды на Рю Бенувиль и знаменитого цирка, который носил его имя. Он и сам был прекрасным наездником. Сначала Маргарета выступала как цирковая наездница под псевдонимом «леди Греша Маклеод». Хорошо ездить верхом она научилась еще в Голландской Восточной Индии. Молье был уверен, что такое тело, как у нее, в танцах использовать куда плодотворнее, чем в выездке. Но в тот момент танцевальный опыт Маргареты исчерпывался вальсами и кадрилиями, которые она танцевала в восточно-индийских клубах, и уроками танцев в детстве, в родном Леувардене. В годы Первой мировой войны Маргарета говорила одному из своих друзей в Гааге, голландскому художнику Питу ван дер Хему: «Я никогда не умела хорошо танцевать. Люди приходили посмотреть на мои выступления только потому, что я осмелилась показать себя на публике без одежды». К тому времени она уже вполне оценила страшную силу своей красоты. И хорошо знала, как нравиться мужчинам. Она довольно хорошо говорила на малайском языке и видела на Яве и Суматре туземные танцы. И, разумеется, Маргарета никогда не изучала никаких танцев в буддийских храмах на Дальнем Востоке. Она распространяла эту легенду для привлечения публики. И в Париже был спрос на такое искусство, где важнее было тело танцовщицы, а не ее владение техникой танца.

Но только в 1905 году она нашла свой стиль, который принес ей славу. Директор цирка посоветовал ей воспользоваться своей красотой и попытать счастья в роли исполнительницы восточных танцев. Под псевдонимом Мата Хари она стала выступать как восточная танцовщица. Маргарета хорошо знала как малайский язык, так и танцы, которым обучилась в период пребывания в Голландской Восточной Индии. Дебют в новом амплуа состоялся в конце января 1905 года на благотворительном вечере в салоне русской певицы Лидии Киреевской и имел колоссальный успех. Некоторые ее танцы представляли собой нечто близкое к современному стриптизу. В конце номера, исполнявшегося на сцене, усыпанной лепестками роз, танцовщица оставалась полностью обнаженной, утверждая, что «так было угодно Шиве». Уже 4 февраля 1905 года английский еженедельник «Кинг» опубликовал о ней восторженную статью, автор которой утверждал, что «собрал слухи о женщине с Дальнего Востока, приехавшей в драгоценностях и духах в Европу, чтобы внести струю богатства восточных красок и восточной жизни в пресыщенное общество европейских городов». Те же слухи сообщали о сценических представлениях, на которых «покрывала поднимаются и падают». Репортер считал, что представление вроде этого в частном салоне было в самом крайнем случае «лишь с дымкой непристойности».

После ряда представлений в других парижских салонах Маргарета в начале февраля танцевала на 45-м празднике «Dineur de Faveur» (Общества благотворительных обедов). Тогда она еще именовалась леди Маклеод. Мата Хари появилась чуть позже.

Сущность «танца рождения зари» заключалась в том, что баядерка во время танца постепенно раздевалась, оказываясь под конец совершенно голой, – так, по ее сведениям, было угодно Шиве. Мата Хари танцевала при свечах, на полу, засыпанном лепестками роз. Успех был необычайный. Весь Париж заговорил о восточной танцовщице, и она мгновенно вошла в моду. Дочь голландского лавочника оказалась «воплощением таинственного Востока». Один из восторженных рецензентов писал: «Ей известны все добродетели Вишну, все дела Шивы, все свойства Брахмы. С колдовскими чарами баядерки она сочетает богословскую эрудицию брахмана!».

Сама Мата Хари настаивала, что еще с детства знает «священные танцы Востока». Она потчевала доверчивую публику баснями о том, будто она – восточная принцесса (вариант – дочь короля Эдуарда VII и индийской княжны), что у нее есть конь, который позволяет ездить на себе только своей хозяйке, что она воспитывалась на Востоке в монастыре и др. Газета «Курьер франсэ» писала, что, даже оставаясь неподвижной, она околдовывает зрителя, а уж когда танцует, ее чары действуют магически. И она же отмечала, что «эта неизвестная танцовщица из далеких стран – необычная личность. Когда она не движется, она завораживает, а когда танцует – ее обволакивает еще большая таинственность».

На представлении у Киреевской новой танцовщицей всерьез заинтересовался крупный бизнесмен и меценат Эмиль Гиме. Он был также коллекционером и считался экспертом по восточным делам. Он построил музей восточного искусства на площади Иены в Париже, чтобы разместить там свою огромную коллекцию живописи и скульптуры, и решил пригласить своих друзей на настоящий восточный танец. Гиме-то и побудил Маргарету взять псевдоним Мата Хари. Правда, он по наивности думал, что он происходит из языков Индии, а не из малайского языка.

Это была, признаем, по тем временам экстравагантная идея: выступление «яванской танцовщицы» среди экспозиции музея. Мата Хари появилась перед зрителями в роскошном восточном одеянии, взятом из коллекции месье Гиме, но во время танца постепенно сбросила с себя одежду, оставив лишь нитки жемчуга и сверкающие браслеты. На представлении присутствовал весь парижский высший свет. Успех был необычайный, и вскоре слава Маты Хари вышла далеко за пределы Франции.

13 марта 1905 года стал поворотным днем в артистической карьере Маргареты Маклеод. До приезда в Париж она лишь однажды выступала на сцене. В клубном спектакле в Маланге на Яве в 1899 году она сыграла королеву в музыкальной постановке пьесы «Крестonosцы». И тогда в местной газете отмечали, что «зрителям было трудно не восхититься этой элегантною актрисой-любительницей». Теперь же она покорила Париж.

Второй этаж круглого здания музея, где находилась библиотека, был превращен в индийский храм. Восемь колонн были украшены цветами. С каждой колонны на обнаженную Мата Хари смотрели статуи с неприкрытыми бюстами. Свет свечей создавал мистическую атмосферу. Одна из самых дорогих статуй из коллекции Гиме – четырехрукий Шива из Южной Индии XI века, высотой около метра, – была окружена кольцом из горящих свечей и окутана живописным светом, создаваемым лучами прожекторов, установленных на потолке. Гостей было немного, так как зал библиотеки был диаметров всего в 7,5–9 метров. Публика могла видеть восточную танцовщицу достаточно хорошо с любого направления. В перерывах невидимый оркестр играл музыку, навеянную мелодиями Индии и Явы.

Мата Хари была одета в костюм из коллекции. Ее окружали четыре девушки в черных тогах. А на Мате Хари был белый хлопковый бюстгальтер с орнаментом на груди, вызывающим ассоциации с Индией. Ее руки украшали браслеты. На голове была индийская диадема,

охватывающая завязанные в косы черные волосы. Блестящие ленты охватывали талию и придерживали саронг, который скрывал тело ниже пупка и спускался чуть ниже середины бедер. Все остальное тело оставалось открытым.

Газетные рецензенты восхваляли «женщину с Востока» и восхищались как ее знанием священных танцев, так и совершенством их исполнения. Все письма, все похвалы критиков, все свои фотографии артистка аккуратно вклеивала в альбомы. Записи делали «звезды» тогдашнего парижского высшего света.

Вот как описывает ее первое выступление в парижском салоне ее биограф, британская журналистка Джулия Уилрайт: «Открылась дверь, и в нее скользнула высокая женщина с темными глазами. Она неподвижно застыла перед статуей бога Шивы. Руки ее были сложены на груди, скрываемой гирляндами цветов. Голову украшал подлинный восточный головной убор. Она была закутана в несколько покрывал различных цветов, символизирующих „красоту, любовь, целомудрие, чувственность и страсть“. Зазвучала незнакомая мелодия, и танцовщица двинулась в сторону Шивы, затем прочь от него, призывая злой дух к мести. Потом, когда она повернулась к богу спиной, выражение ее лица смягчилось. В неистовстве принялась она разбрасывать цветы и лихорадочно срывать с бедер прозрачные покрывала. Затем, расстегнув пояс, она распласталась перед алтарем».

Проблема была в том, что парижские суды строго запрещали танцы в обнаженном виде. И появление, например, обнаженной Сары Браун вызвало целый скандал. Но почему-то все это не коснулось Маты Хари. Она прикрывалась восточной легендой, причем легенда менялась от случая к случаю. То говорилось о выросшей на Яве дочери европейских родителей, что было ближе всего к истине, то доверчивой публике преподносился рассказ о дочери храмовой танцовщицы из Южной Индии, что было уже чистой фантастикой. Зато туземцам вроде как обнажаться позволялось, даже на публике, поскольку нагота считалась их естественным состоянием.

Вместе с признанием к Маргарете пришли деньги и роскошь. У нее появилось множество поклонников и богатых любовников. Один из них посвятил ей такое стихотворение:

Шиве

Когда она перед твоим алтарем сбросила покровы
и склонила пред тобой манящее обнаженное тело,
Шива, великий бог, неужели в тебе не пылает
непреодолимое желание, пробуждаемое ее красотой?
Не спешишь ли ты прижать свой рот к ее цветущим губам?
Не томит ли тебя желание обнять ее полное страсти тело,
Чтобы насладиться любовью?

Мата Хари имела многочисленных любовников среди высокопоставленных военных, политиков и других влиятельных лиц, в том числе французских и германских. При всем при том Мата Хари не была простой танцовщицей варьете и знала, как себя вести в приличном обществе. «Ля ви паризьен» («Парижская жизнь»), еще называя Маргарету «леди Маклеод, она же Мата Хари, индийская танцовщица», писала: «Полная желаний и трагичная, она выступает совсем обнаженной в самых знаменитых салонах нашего города. На ней костюм баядерки. Он открывает ее тело, как только это возможно. В завершение своих танцев она сбрасывает даже малые остатки этого костюма».

Маргарета кокетливо утверждала: «Я никогда не умела танцевать. А если люди и приходили на мои выступления, то этим я обязана только тому, что первой отважилась предстать перед ними без одежды». Того же мнения был и ее бывший супруг: «У нее плоскостопие, и она абсолютно не умеет танцевать». А известная французская писательница Сидони-Габриэль Колетт с нескрываемой иронией отмечала на страницах газеты «Фигаро», что Мата Хари едва танцует, но умеет замечательно раздеваться.

Марк Алданов так охарактеризовал ее искусство: «Новая артистка покажет в танцах подлинное богослужение азиатских племен: „танец малайской баядерки пред Шивой, богом любви и смерти“».

Танец «малайской баядерки» был каким-то вариантом танца Саломеи, который тоже соблазнил достаточное количество талантливых артисток и балерин. Весь арсенал дешевой поэзии был налицо – уж если не пощадили и «Шиву, бога любви и смерти»! Не хватало только подходящего имени для танцовщицы. Сначала называли ее «леди Греша Маклеод». Она не была ни леди, ни Греша, но это звучало недурно: в имени Греша было, бесспорно, что-то русское или яванское, одним словом, восток, черт там разберет! Потом, однако, выяснилось, что жрице Шивы, бога любви и смерти, неудобно называться «леди Греша». И тут явилась новая счастливая мысль: «Мата Хари»!

Эти звучные слова по-малайски значат «рождающаяся заря» или что-то в этом роде. Сущность рождения зари заключалась в том, что баядерка во время танца постепенно раздевалась, оказываясь под конец совершенно голой, – так, по ее сведениям, было угодно Шиве. Священный малайский танец был впервые исполнен в круглой зале библиотеки музея Гиме 13 декабря 1905 года. Зала была превращена в «храм Шивы». Мата Хари танцевала при свечах, на полу, засыпанном лепестками роз. Успех был необычайный. На следующий день весь Париж заговорил о восточной танцовщице. «Обнаженная танцовщица» мгновенно вошла в моду. Дочь голландского лавочника оказалась «воплощением таинственного Востока». Один из восторженных рецензентов писал: «Ей известны все добродетели Вишну, все дела Шивы, все свойства Брахмы. С колдовскими чарами баядерки она сочетает богословскую эрудицию брахмана!».

А вот газета «Ля пресс» уже 18 марта 1905 года написала: «Мата Хари воздействует на вас не только движениями своих ног, рук, глаз, губ. Не стесненная одеждой, Мата Хари воздействует игрой своего тела». Здесь же сообщалось, что она танцевала «с покрывалами и в украшенном драгоценностями бюстгальтере – и это, в общем, все». Стройная госпожа Маклеод, утверждал рецензент, двигалась в наряде баядерки с несравненной грацией:

«Ява, где она выросла на земле вулканов, придала ей такую невероятную гибкость и магический шарм, а за оставшуюся часть ее достойного восхищения тела ей следует благодарить свою родную Голландию.

Никто до нее не рискнул предстать перед богом со всем своим клокочущим экстазом и без одежды. И с какими чудесными движениями! Смелыми и смиренными одновременно. Она настоящая Абсара, сестра нимф, наяд и валькирий, созданная Сундрой чтобы заманивать мужчин к греховной гибели.

Мата Хари впечатляет не только игрой ее ног, рук, глаз, рта и ярко-алых ногтей. Не стесненная одеждой, Мата Хари играет всем своим телом. Если боги не реагируют на ее предложение красоты и юности, она жертвует им свою любовь, свою невинность. Покрывала, символ женской чести, падают. Одно за другим жертвует она их богам. Но Шива требует большего. Девидаша приближается – еще одно покрывало, обнаженное ничто – выпрямление гордой, победоносной наготы. Она посвящает богу всю пылающую в ней страсть. Затем Мата Хари в элегантном вечернем платье присоединяется к гостям. В руках у нее яванская кукла „ваджонг“, и она рассказывает нам историю доисторической драмы Аджурны».

Ей вторил журнал «Ле Журнель»: «Мата Хари является олицетворением поэзии Индии, ее мистицизма, ее страстолюбия, ее томности, ее гипнотических чар...» А французский шоколадный магнат Гастон Меньер после выступления танцовщицы в его салоне писал ей: «Вы – воплощение истинной древней красоты... ваш прекрасный облик подобен восточной мечте».

Парижане приняли Мата Хари так горячо, потому что она принесла им нечто новое. Особенно возбуждало то, что она так невинно скрывала под вуалью лицо, когда с ее тела спадало последнее покрывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.